

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ильин Б.Б. Семантика ландшафтной лексики в житиях Успенского сборника // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70691 EDN: TWWWKO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70691

Семантика ландшафтной лексики в житиях Успенского сборника

Ильин Борис Борисович

ORCID: 0000-0002-9771-9374

старший преподаватель; кафедра славистики, общего языкознания и культуры коммуникации;
Государственный университет просвещения

105005, Россия, г. Москва, ул. Энгельса, 21, стр. 3

✉ bilin85@mail.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.70691

EDN:

TWWWKO

Дата направления статьи в редакцию:

03-05-2024

Дата публикации:

10-05-2024

Аннотация: Цель работы заключается в описании семантики слов, номинирующих части ландшафта в житийных текстах, бытовавших в Древней Руси. Объектом исследования являются слова с пространственной семантикой, обозначающие объекты природы. Предметом исследования является семантика указанных лексических единиц. Материалом для анализа послужили житийные тексты, входящие в Успенский сборник. Для систематизации материала предложена классификация ландшафтной лексики по семантическим группам. Теоретическая часть работы представляет собой анализ уже имеющихся способов тематического идеографирования ландшафтной лексики, на основе чего предлагается классификация ландшафтной лексики для рассматриваемого языкового материала. Практическая часть статьи посвящена описанию значений слов, которые репрезентуют группу ландшафтной лексики. Обращается внимание на значение слова, частотность его использования, связь с событийной семантикой текстов.

Лексический материал был получен методом сплошной выборки. При выявлении семантики использованы лексикографический, контекстный, количественный анализы. В статье охарактеризованы слова с их базовыми значениями, которые характеризуют ландшафт в житиях Успенского сборника: возвышения: гора, хълмъ; ровные пространства — совпадают с открытыми пространствами; углубления: дьбрь, ровъ, яма, пещера (печера); поросшие участки: боръ, лѣсъ, дрязга; открытые участки: поле, поустыни; водные пространства и участки суши рядом с ней: источникъ, рѣка, море, устье, брѣгъ, островъ. Отмечается, что группа ландшафтной лексики немногочисленна и нечастотна по употреблению. Автор приходит к выводу, что семантика ландшафтных именований в рассматриваемых житиях включает в себя элементы различных языковых славянских систем. Подчёркивается, что формирование метафорических значений у ландшафтной лексики происходит под влиянием библейских контекстов. Новизна исследования заключается в избираемом источнике языковых фактов: житийные тексты Успенского сборника не становились предметом системного лексико-семантического анализа. Также можно отметить, что анализ пространственной лексики на материале текстов, бытовавших в Древней Руси, не осуществлялся. Работа может быть полезна в исследованиях категории локативности в древнерусском языке, а также при изучении образов пространства в славянских житийных текстах.

Ключевые слова:

жития, Успенский сборник, семантика, ландшафтная лексика, идеографирование, тезаурус, пространство, локусные именования, локативность, номинации природных объектов

В данной статье из возможных номинаций природных объектов будут рассматриваться только те, которые называют участки земной поверхности, то есть ландшафтная лексика. Целью исследования является классификация и описание ландшафтной лексики, которая встречается в житиях Успенского сборника.

При описании категории локативности отдельную семантическую область, семантический подкласс, составляет группа лексики, называющая участки земной поверхности и водные пространства. В Русском семантическом словаре эта группа относится к словам именующим, что указывает на грамматическую сему предметности, и включается в суперпарадигму «Космос. Земля. Природные образования», в которой реализуется семантика пространств и мест, существующих вне зависимости от деятельности человека [\[1, с. 798—800\]](#).

Л.Н. Федосеева среди лексических средств выражения категории локативности в современном русском языке выделяет «пространственные конкретизаторы событий», в которых отдельно выделяется группа ландшафтной лексики (в работе: Федосеева Л.Н. Категория локативности в современном русском языке: диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. — Москва, 2013, с. 127—135). В этой классификации система номинаций объектов природы также противопоставлена системе номинаций рукотворных объектов.

К группе ландшафтной лексики, по мнению исследователя, относятся: а) водные пространства, б) ровные участки, в) горные поверхности, г) открытые пространства, д) пространства, покрытые растительностью, е) впадины и углубления, ж) нерукотворные трассы передвижения, з) залежи полезных ископаемых, и) части земной коры ниже

почвенного слоя. Отметим, что лексика последних двух групп в житийных текстах Успенского сборника не отмечена. Также стоит обратить внимание на возможность отнесения слова к разным группам, что обусловлено спецификой семантики слова, его способностью отражать разные представления о предмете. Так, слово *луг* включается и в группу «открытые пространства», и в группу «пространства, покрытые растительностью» (см. работу Л.Н. Федосеевой, с. 133).

Ландшафтная лексика охарактеризована на материале старославянского языка Т.И. Вендиной, которая в рамках семантической сферы «Пространство» выделяет группу «Земля». Она хорошо представлена лексемами, характеризующими ландшафт (возвышения, равнинные пространства, обрывы и пропасти), которые актуализируют противопоставление верха и низа, а вместе с тем и религиозно-этическую оценку [\[2, с. 168–172\]](#).

Разработка классификации для языкового материала, предлагаемого древнерусскими текстами, может опираться на предложенные классификации, так как, во-первых, членение пространства человеком носит универсальный характер, во-вторых, книжный материал древнерусской книжности и современный русский язык находятся в отношениях преемственности. Опираясь на предложенные схемы, для древнерусской книжности можно выделить группу «Природа как нерукотворное пространство», в рамках которой предлагается отдельно рассмотреть её подкласс «Земля и суша», который может быть описан следующим образом: 1. Участки земли: 1.1 Ландшафт/рельеф: а) возвышения, б) ровные места/пространства, в) углубления (обрывы, пропасти); 1.2 Растительность: а) поросшие участки, б) открытые участки; 2. Водные пространства и участки суши возле них.

Из встречающихся в житиях Успенского сборника номинаций, характеризующих рельеф местности и обозначающих **возвышения**, отмечены следующие.

Г о р а 'гора' [\[3\]](#); 'значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью' [\[4, с. 218\]](#). Значение совпадает со старославянским — 'гора' [\[5, с. 174\]](#). Встречается 14 раз в семи различных житийных текстах, как в оригинальных, так и в переводных (например, в Житии Феодосия Печерского: *есть бо мала **гора** надлежащи надъ манастирьмъ* тѣмъ [\[6, с. 55r15-19\]](#); в Мучении Христофора: *нъ с **горы** подъходяще съгледывахоуть* и [\[6, с. 96v2-4\]](#). Слово отмечено при номинации географического объекта: *въниде въ манастирь ту сущии близъ города иже наричюти и **святая гора*** [\[6, с. 41613-15\]](#). Его использование продиктовано в некоторых случаях библейскими контекстами, например, в Сказании Бориса и Глеба цитируется стих из Евангелия от Матфея [\[7\]](#): *не можетъ градъ укрыти ся врѣху **горы** стоя* [\[6, с. 16v19\]](#). В житиях слово может обозначать и место, в которое святой удаляется от мирского и в котором посвящает свою жизнь Богу, например, в житии Мефодия: *а ты любиши **гороу** вельми то не мози **горы** ради оставити оучения своего* [\[6, с. 105r3-6\]](#).

Слово *гора* становится в житиях обозначением сакрального локуса. О святости такого места, свидетельствует и дальнейшая возможность образования от него лексемы *горний* в значении 'духовный'. В первой части жития Мефодия с локусом горы связано жертвоприношение Исаака (Быт, 22: 1-19), но важно, что оно имплицитно сопоставляется с Голгофой, как местом принесения добровольной жертвы: *исакъ по образу [□]хвоу на **гороу** въ жъртву възведенъ бысть* [\[6, с. 103a28-30\]](#). Христос является мерилом праведников, и поэтому хронология событий нарушена: Исаак поступает по

образу Христову, а не наоборот. Гора превращается в место, которое связано с Богом и со служением ему. Так и святой в житии должен быть на горе, чтобы служить богу.

Хълмъ 'холм, гора' [3]: и отьтуда пакы преселися на инъ **хълмъ** антонии [6, с. 35г7], и акы комара сътворивъ ся прѣиде на друугихъ **хълмъ** (в житии Феодосия Печерского). Значение совпадает со старославянским — 'холм, пригорок' [5, с. 761]. Слово встречается три раза и только в славянских житиях: Житии Феодосия Печерского (2 раза) и Житии Мефодия (1 раз). По сравнению со словом *гора* слово *хълмъ* является менее частотным.

В Житии Мефодия слово использовано в неточной библейской цитате [8]: *яко же рече прѣмудрость прѣже въсѣхълмъ* **ражае** мя [6, с. 102в25-26]. Обладая ближайшим, лексическим, значением 'возвышенное место', она в тексте приобретает значение, заданное используемой в тексте библейской цитатой, слова в которой принадлежат Премудрости: «Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов» (Притчи Соломона 8:25) [9, с. 601]. Слово *хълмъ* приобретает символическое значение: он становится символом тварного мира.

К номинациям, характеризующим **углубления**, относится несколько слов.

Дьбрь 'ров (?)' [3], 'обрыв, ров; горный склон, поросший густым лесом' [ДРЯ Т.3, с. 131]. Слово встречается только в оригинальном житии — Житии Феодосия Печерского: *таче съньмъ съ него святую мантию и въврѣже ю въ дьбрь* [6, с. 34611]. Это значение сближается со значением, отмеченном в старославянском языке — 'ущелье' (в группе значений 'долина, низина, ущелье') [5, с. 202], однако их нельзя признать тождественными.

Ровъ 'яма' [3] (в Сказании о Борисе и Глебе: *на поле потъчеса подъ нимъ конь въ ровъ* [6, с. 1369]). Значение слова совпадает со старославянским — 'ров, яма' [ССЯ, 1994, с. 582]. Встречается 10 раз в 4 различных житиях. Самое большое количество употреблений отмечается в Житии Ирины (6 раз). В житиях слово обозначает место мучения или страдания, например, в Повести о святом Авраамии (*да не въмъ чьто сътворю кѣде съкрыю ся камо идоу въ котерыи ровъ* **въврѣгу** ся [6, с. 301а5]), в Житии Ирины (*она же просльжьши ся сама въскочи въ ровъ къ змиямъ* [6, с. 75г25]).

Яма 'яма, ров' [3], то же значение отмечается и в старославянском языке — 'яма' [5, с. 797], что говорит об общности значения слова для старославянского и древнерусского языков. В рассматриваемых житиях встречается только один раз — в переводном Житии Ирины: *святая же ирини рече печать ся о мнѣ съхранивыи данила пророка въ ямѣ* **от лвь** [6, с. 75г3]. Подобный контекст встречаем и в Житии Еразма: *и данила раба своего издрова львова* [6, с. 120г4]. Употребление слов *яма* и *ровъ* в этих примерах показывает, что они использовались как синонимы.

Пещера (печера) 'пещера' [3; 5, с. 445], 'углубление, полое пространство в земной коре или в горе, образованное естественным путём или созданное человеком' [4, с. 830]. Встречается 44 раза в трёх житиях в различных орфографических вариантах, самое большое количество употреблений приходится на Житие Феодосия Печерского (41 раз), тогда как в житии Епифания Кипрского слово использовано 1 раз, в житии Пахомия — 2 раза. Обычно слово используется в рассматриваемых текстах для указания на место, в котором обретается святой: *и въпроси епифанъ старѣишиноу корабльнаго о велицѣмъ*

иларионѣ къде живеть и тѣ повѣда яко в пафѣ **въ пещере** (Житие Епифания Кипрского [6, с. 153a23-28]; сѣдѣющѣ **въ пещере** емоу (Житие Пахомия) [6, с. 115r23]. Только в Житии Феодосия Печерского отмечается, что монашествующие сами создавали пещеры в холмах: и отътуда пакы преселися на инѣ хълмѣ антонии и ископавъ **пещеру** живяше не излазя из нея [6, с. 35r6-9].

В семантический подкласс «Участки неосвоенной земли» включается группа слов, в которых присутствует или отсутствует растительность. Группа «Поросшие участки» включает немногочисленную группу именований лесных участков, так как упоминания о лесе в житиях окказиональны и не встречаются в большом количестве житий.

Борѣ. Лексема *борѣ* встречается в тексте Успенского сборника единожды — в Сказании о Борисе и Глебе. Старославянский словарь этого слова не фиксирует. Относясь к конкретной лексике, оно не входило в круг употребительных в начале русской книжности. Словарь И.И. Срезневского фиксирует это слово и омонимичные ему в значениях 'сосна, сосновый лес', 'ячмень', 'род дани', а также похожее на него слово *борѣ* 'борьба' [3]. Будучи распространённым в славянских языках [10, с. 193], оно не входило в корпус религиозной лексики. Его использование мотивировано хорошим знанием древнерусских реалий, а также, возможно, знанием деталей происходящих событий, описанных в житии. Автор Жития был свободен в выборе слов, не сдерживаемый греческим, латинским или славянским текстом.

Единственное употребление лексемы связано с упоминанием о нанесении смертельной раны в сердце мученику Борису, пока его везли в телеге по лесу: и яко быша на *бору* начать въскланяти [□]стоую главою свою [6, с. 12r5]. Словари приводят этот пример со значением 'сосновый лес' [3], 'бор, сосновый лес' [11, Т1, с. 298].

Лѣсь. Слово используется в значении 'лес' [3], 'место, поросшее деревьями': *тоже они отъшѣдше мало въ лѣсь* и сѣдѣше глаголааху [6, с. 46r31]. В текстах житий встречается 4 раза: дважды — в Житии Феодосия Печерского, один раз — в Житии Епифания Кипрского. В контекстах житий лес становится местом укрытия (*и мало помѣдливше въ лѣсь* [6, с. 46r4]), местом добывания дров (*и водунося и дръва из лѣса на свое плещу* [6, с. 366l3]. В житии Мефодия отмечается омонимичное слово — лѣсь 'пашня, поле': *се брате вѣсоупроуга бяховѣ □диноу браздоу тяжаща и азна лѣсѣ падаю свои днь съконьчавъ а ты любиши **гору*** вельми [6, с. 107v5-11].

Дрязга 'лес' [3], 'лес, роща' [5, с. 199]. Слово используется только один раз, причём использовано оно в переводном житии — Житии Епифания Кипрского, в котором оно синонимично слову *лѣсь* и связано с эпизодом о победе Епифания над львом: *и искочи лъвъ из дрязгы противу епифану* [6, с. 148624]. Слово пришло в древнерусскую книжность благодаря церковнославянским текстам.

Рассмотрим группу ландшафтной лексики, обозначающую места, которые имеют низкую растительность или не имеют её. Такие пространства можно назвать **открытыми**, так как зрение человека не встречает препятствий при их восприятии. Из слов, обозначающих открытое пространство, лишённое растительности, в рассматриваемых житиях встречается чаще всего слова *пустыни* и *поле*.

Поле 'открытое место, поляна, луг, поле' [3], 'поле, равнина' [5, с. 474]. В житийных текстах встречается 6 раз: дважды - в Сказании о Борисе и Глебе, трижды - в Житии

Феодосия Печерского, один раз - в Житии Епифания Кипрского. Слово используется в прямом значении, обозначая место передвижения (*на поле потъчеса подъ нимъ конь въ ровъ* [6, с. 1368]), место битвы (и покрыва **поле** льтское множествомъ вои [6, с. 15632]), место для строительства церкви (показа тѣмъ мѣста **на** своемъ **поли** веля ту възградити ту такову црkvь [6, с. 160r17]).

Пустыни 'пустыня, необитаемая местность' [3], 'пустыня, пустынное место' [5, с. 557]. Слово встречается 10 раз в житиях различного происхождения: в Сказании о Борисе и Глебе, Житии Феодосия Печерского и Мучении Еразма - по одному разу, в Житии Мефодия и Житии Епифания Кипрского - по 2 раза, в Повести Поливия - 3 раза. В значении 'пустыня' оно используется при упоминании о библейской истории хождения Моисея и людей, последовавших за ним, через пустыню: *обаже же надѣюся на Бога иже въ пустыни людѣмъ непокоривымъ хлѣбъ небесный одѣжди и источи крастьли* (в Житии Феодосия Печерского) [6, с. 50v1-2]; и *в пустыни безводнѣ люди напои воды и хлѣба ангельскаго насыти и пѣтиць* (в Житии Мефодия) [6, с. 103618-24], и *сквозѣ море проведе и яко по сусѣ земли и проведе и **пустынею*** (в Житии Епифания Кипрского) [6, с. 151v2]. Пустыня становится местом странствий и жительства и самих святых, тогда актуализируется значение 'необитаемая местность': *камо грядеши чадо рече же епифанъ къ илариону въ аскалонъ и газу и мимо **въ пустыню*** (Житие Епифания Кипрского) [6, с. 153616], *по разуму вси трие въсхотѣша чьрьньци быти и ишѣдъше **въ пустыню** бяху ... и житиємъ добрымъ утваряеми* (Повесть Поливия) [6, с. 168a30]. Отмечается значение 'пустынное место' (и *прибѣже **въ пустыню** межу чехы и ляхы* [6, с. 15r26]. Пустынное место становится как местом уединения для святого (*слышав же се блаженный еразмъ **поустыню** възлюби и прѣбысть тоу* (Житие Еразма) [6, с. 119a1-3]), так и опасным местом (*по **пустынамъ** въ разбойники* [6, с. 108624-25]).

Отдельную группу ландшафтной лексики составляют слова, характеризующие водные пространства и расположенные рядом с ними участки суши. К **водным пространствам** можно отнести следующие.

Источьникъ 'водный поток'. В этом значении слово используется в житии Вита. В тексте после явления бесов святому, когда он расположился у реки Силарь, следует рассказ о том, как люди приходили к нему, а Вит обращал их в христианство. После этого следует отсылка к псалму: *и въ иномъ ѡалмѣ рече · яко же жадаѣть елень **на источьники водьныя*** ... тако жадаѣть ^ѡдша моѡ къ тебѣ ^ѡбъ [6, с. 127a17-24]. В этом фрагменте цитируется стих из Псалтири: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!» (Пс 41:1) [9, с. 552]. Библейский контекст предполагает и метафорическое истолкование слова *источьникъ*: водный источник ассоциируется с верой.

Море 'море, озеро' [3], 'море' [5, с. 332]. Слово используется 27 раз в 8 житийных текстах. Оно употребляется в прямом значении как в повествовательных фрагментах (и *пришѣдъша **надъ море*** [6, с. 2665]), так и в евангельских цитатах (и *речете горѣ сеи преиди и въврзися **въ море** и абие послушает васъ* [6, с. 2665]). Море в житиях становится местом странствий (и *по морю въ вълны вѣтрны* (Житие Мефодия) [6, с. 108626], и *шедъше **на море** обрѣтохомъ дѣва корабля* (Житие Епифания Кипрского) [6, с. 153632]).

Рѣка 'водный поток' [3], 'река' [5, с. 587]. Слово использовано 16 раз в семи различных

житиях. Оно употребляется в прямом значении: *събрати въ кошъ укрухы ты и несъше посрѣдѣ рѣкы* въсыпати □ [6, с. 52a15]. Слово *рѣка* используется и в качестве сравнения, утрачивая при этом пространственную семантику: *вижь течение слъзь моихъ яко рекоу* (Сказание о Борисе и Глебе) [6, с. 14в13]. В связи с описываемыми событиями отдельно может обозначаться устье как место впадения реки: *святыи же поиде въ кораблицы и сѣр□тоша иустие смядины* (Сказание о Борисе и Глебе) [6, с. 13r6], *того ради епископъ сътвори цркъвь на устии рѣкы* (Житие Христофора) [6, с. 102a12].

В некоторых житиях обозначаются **участки суши, расположенные возле воды**.

Бр□гъ 'берег' [3; 5, с. 102]. В житийных текстах сборника встречается только один раз в Житии Пахомия: *и принесяше положить ю на бр□з□ р□кы* [6, с. 11764]. В этом житии слово *страна* контекстно сближается по значению со словом *брѣгъ*: *жены же соуть о сию страну нила р□кы моужи же об оноу страну сихъ* [6, с. 117a29-62]. В другом графическом оформлении (берегъ) слово в житиях не отмечено.

Островъ 'остров' [3; 5, с. 421]. Слово используется 12 раз в трёх житиях: в Житии Феодосия Печерского - 5 раз, в Житии Епифания Кипрского - 3 раза, в Повести Поливия - 4 раза. Синонимичное ему слово *отокъ* в житиях не отмечено.

В житии Феодосия упоминаются два острова, куда отправляются монахи и на одном из которых впоследствии создаётся сакральное место - церковь и монастырь: *великий же никонъ отъиде въ островъ тьматороканьскый и ту обр□тъ м□сто чисто близъ града с□д на немъ и Божиею благодатию въздрате м□сто то и цркъвь стья Богородица възгради на немъ и бысть манастирь славнь* [6, с. 35620-28]. Другой остров получает название по прозвищу монаха, называемого боярином: *се же и донын□ островъ ть зовомъ есть бояровъ* [6, с. 35618-20]. Использование figura etimologia в данном случае показывает, что имя собственное закрепляет духовный подвиг монаха в памяти. В Житии Епифания Кипрского и Повести Поливия, которая примыкает к предыдущему тексту, слово *островъ* указывает на конкретный географический объект - остров Кипр: *и иди въ кипрьскы островъ* [6, с. 150a1], *и ведыи ведяше епифана в кипрьскы островъ* [6, с. 153a6].

Таким образом, в житиях Успенского сборника встречаются слова с их базовыми значениями, которые характеризуют ландшафт: возвышения: *гора, хълмъ*; ровные пространства — совпадают с открытыми пространствами; углубления: *дѣбрь, ровъ, яма, пещера (печера)*; поросшие участки: *боръ, л□съ, дрызга* открытые участки: *поле, поуустыни*; водные пространства и участки суши рядом с ней: *источьникъ, р□ка, море, устие, брѣгъ, островъ*.

Можно отметить, что группа ландшафтной лексики немногочисленна и нечастотна по употреблению. По встречаемости в разных житийных текстах особо выделяются лексемы *рѣка* и *море*. Большая частота словоупотребления слова *пещера (печера)* приходится только на один житийный текст (житие Феодосия Печерского).

Обращает внимание и происхождение ландшафтной лексики: вся анализируемая лексика является славянской. Можно говорить о графической разнооформленности некоторых слов при идентичности семантики (*пещера/печера*). Однако семантика ландшафтных именований в рассматриваемых житиях включает в себя элементы различных языковых славянских систем: одни слова проникали из древнерусского языка (*дѣбрь, боръ*), другие — из диалектов южных или западных славян (*дрязга*).

Реализация базовой семантики у слов, относящихся к ландшафтной лексике, происходит для передачи мест, в которых происходят описанные в житиях события. Этим продиктована частотность некоторых лексем в житиях (пещера в житии Феодосия Печерского). Наряду с этим формирование и реализация метафорических значений происходит благодаря библейским контекстам. В некоторых случаях ландшафтная лексика выступает как локализатор жизни и деятельности святого и становится основой для возникновения агеоантропонима (пещера — Феодосий Печерский, Кипр — Епифаний Кипрский).

Библиография

1. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. /РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: «Азбуковник», 2002.
2. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. — М.: Индрик, 2002..
3. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: труд И. И. Срезневского. URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html#> (Дата обращения: 15.04.2024)
4. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. — СПб.: «Норинт», 2000.
5. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков): под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. — М.: «Русский язык», 1994.
6. Успенский сборник XII-XIII вв. — М.: Наука, 1971.
7. Сказание о Борисе и Глебе // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4871#_edn46 (Дата обращения: 15.04.2024)
8. Житие Мефодия // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2164> (Дата обращения: 15.04.2024)
9. Библия. — Москва: Издание Московской патриархии, 1988.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. —Т. 1. — М.: «Издательство Астрель», «Издательство АСТ», 2003 г.
11. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.): В 10 т. / РАН. Ин-т рус. яз.; Гл.ред. Р.И. Аванесов, И.С. Улуханов. — М.: «Русский язык», 2002.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Семантика ландшафтной лексики в житиях Успенского сборника», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения исследователей к изучению номинацией природных объектов на языковом материале древнерусской пергаменной рукописи южнорусского происхождения конца XII — начала XIII века.

Целью исследования является классификация и описание ландшафтной лексики, которая встречается в житиях Успенского сборника.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой

гипотезы. Основными методами исследования являются описательный, сравнительно-сопоставительный. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Отметим, что заключение требует уточнения, не все поставленные задачи в нем оказались раскрыты и не представлена дальнейшая перспектива исследования.

Материалом исследования явились тексты Успенского сборника. К сожалению, автор не приводит информацию о параметрах выборки, ее принципах, а также не дает пояснений насколько велик отобранный для исследования языковой корпус.

К недостаткам также можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Библиография статьи насчитывает 11 источников, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к работам зарубежных исследователей на языке оригинала обогатило бы работу и включило ее в мировую научную парадигму. БОльшее количество ссылок на ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно бы усилило теоретическую значимость работы. Ряд ссылок указаны в центре работы, но не выведены в библиографический список (например, Федосеева). Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по истории русского языка, теории номинации, а также курсов по междисциплинарным исследованиям. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Семантика ландшафтной лексики в житиях Успенского сборника» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.